

Л. МАЛЮГИН

ДРАМАТУРГ написал пьесу. В ней он хочет поведать зрителям о наблюдениях и размышлениях над жизнью, рассказать о своих современниках. Он с нетерпением ждет сценического воплощения своего произведения. Но всегда это случается так быстро, как хотелось бы. Театры наши неторопливы и медлительны; причем особенно медлительны они в воплощении современной пьесы. Нередко от поступления пьесы в театр до ее выхода к зрителю проходит год. Причем из этого года меньше времени уходит на подготовку спектакля, а больше — на обсуждение и рассмотрение пьесы.

Но вот премьера сыграна. И автор, и актеры нетерпеливо раскрывают газеты, они ждут оперативного отклика на спектакль. Но иной раз от премьеры до рецензии на нее то же проходит год. К сожалению, это не преувеличение!

Как-то в «Вечерней Москве» была напечатана рецензия, которая надоело запоминаться своим эпитетом сложной начатком: «Облою года назад Театр имени Евг. Вахтангова возобновил постановку пьесы Гауптмана «Перед заходом солнца». Вечерняя газета, по своему жару обязанная быть оперативной, откликнулась на спектакль через год. Невольно вспоминалась мне моя рецензентская молодость — она проходила в Ленинграде, в «Вечерней красной газете». Порядок там был такой: после премьеры, ночью, мы писали рецензию, а на следующий вечер она выходила в газете.

Могут сказать, что случаи с «Вечерней Москвой» уникальны. Конечно, такие годичные выжидания встречаются не так часто, но тем не менее случаи это не единичны. Буквально на днях в газете, призванной оперативно заниматься вопросами искусства, в «Советской культуре», появляется рецензия о спектакле Московского театра имени Пушкина «Как важно быть серьезным», где рецензент с тем же эпитетом спокойствием пишет о том, что этот спектакль уже больше года пользуется большим успехом у зрителей. Может сложиться представление, что редакция завалена статьями о хороших спектаклях и им приходится ждать очереди по году.

Перечитайте книгу Станиславского, вспоминающая старых актеров — там вы найдете сравнения о том, как после премьеры они проводили беспокойные бессонные ночи — дожидаясь утренних газет с рецензиями. В наших газетах тоже иногда появляются рецензии на следующий день после спектакля, но это обычно бывает только тогда, когда приезжают гости — зарубежные театры.

Я предвижу протестующие голоса о вреде спешки. Но что такое газетная рецензия?! В отличие от критической журналистской статьи это отчет о прошедшей премьеры. Ни одна газета не позволяет себе напечатать даже через три дня отчет о футбольном матче или о спортивном празднике. Почему же отчет о театральной премьеры можно напечатать через месяц или даже через год?!

Разговорам о вреде спешки прикрываются осторожностью и нерешительностью. В «Советской России» была напечатана статья о двухсотом представлении спектакля «Соседи по квартире» в Москов-

ском театре драмы и комедии. Можно было бы чордоваться откликну на юбилейный спектакль, если бы не одно обстоятельство — ни «Советская Россия», ни большинство других газет не обмолвились ни словом о премьеры этого спектакля.

Читатель ждет от газеты быстрого отклика на событие в художественной жизни. А газеты весьма медлительны и неторопливы в оценке, в рецензировании спектаклей. Разве мало у нас спектаклей, которые умирают, не дожидаясь рецензий! В последнее время все чаще раздаются голоса о большем внимании критиков и рецензентов к новым явкам, а о нерезцензируемых спектаклях (и кинофильмах) даже не вспоминают — к этому уже привыкли...

Вокруг каких пьес столкнулись критические концы за последнее время? Только вокруг пресловутой «Фабричной дочке». О каких фильмах спорили в печати в последние годы? Только о картине «Летят журавли».

В последнее время чаще слышится критические споры о постановках классических пьес, видимо, это спокойнее, чем обсуждать живые проблемы воплощения образов современников.

До сих пор продолжается шум вокруг спектакля Малого театра «Власть тьмы» в постановке В. Равенских. Неодобрительные голоса вокруг спектакля слышались еще до премьеры — в самом театре. Противники спектакля, в том числе и уважаемые мастера, не отрицали талантливости спектакля, но утверждали, что это не Толстой. Эти мастера жили воспоминаниями о старых, хороших постановках пьес Толстого, они требовали от режиссера повторения того хорошего, что было уже сделано в искусстве. Но такие требования можно адресовать реставратору, а не художнику.

В отступлении от Толстого упрекали Равенских во многих критических отзывах. Между тем в этом спектакле оказалось много неожиданного. В жестовой и беспощадной драме Толстого режиссер увидел и светлое, душевное — трагические сцены сменялись в спектакле лирическими. Но ведь еще Гоголь призвал взглянуть на старые пьесы свежими вышившими очами.

У Толстого в последнем действии подробно описана декорация: гумно, олово, ток, сарай, двор в глубине. У Равенских художника В. Волкова мы увидели только огромный стог золотистой соломы и бескрайнее небо. Они нарушили авторские ремарки, но финал толстовской трагедии неожиданно засветился новыми светлыми красками. Есть ли изощренность в этом талантливом спектакле? Безусловно — есть и лишнее, и потребности вкуса, но это все частные издержки талантливого новаторского спектакля.

Наши критики порой становятся вполне строгими, когда идет речь о воплощении классической пьесы. Здесь не пропадает ни одна вошь и не возопит в добродетель послушное следование авторским ремаркам.

Но чем больше и значительнее пьеса, тем больше смелости и творческой сво-

боды требует она от постановщика. Режиссер не музейный гид, он не имеет права ходить на цыпочках вокруг великого произведения и говорить о нем почитательным шепотом.

Театр имени Вахтангова поставил «Гамлета». Виктор Шкловский написал об этом спектакле восторженную статью в журнале «Театр» (№ 5, 1958 г.).

Статья завершается следующей патетической концовкой:

«Гамлет» в Театре Вахтангова поставлен, и я решаю это сказать, как концерт...

Мне кажется такое решение новым и смелым потому, что оно выражает первенство, главенство гениальной трагедии над всем.

Могут быть другие решения великого произведения, но именно это кажется мне, исходя из всей истории советского театра, нужным, решительным и смелым.

Зритель слышит спектакль, зритель видит Гамлета, до зрителя доходит пьеса. Театральность как бы отодвинута.

Превосходно слышно слово, драматургия фразы...

Мне кажется, что Шекспир у Вахтанговец поставлен самоотверженно. Театр пропустил вперед драматурга, и это уважение к гению преиспало.

Театр лишает зрителя театральности — того, ради чего зритель собственно и идет в театр, и получает за это не осуждение, а похваление критика. Робость театра перед великой пьесой расценивается как самоотверженность.

В Шкловский несколько раз приводил в своих выступлениях иронические слова про одного генерала: «я бою он застенчив». Режиссер тоже генерал (только, говоря словами голловского Осипа, — генерал с другой стороны) — он ведет за собой большую группу участников спектакля, ведет с намерением одержать победу. Почему же ныне критики восторгаются застенчивыми режиссерами?!

В последнее время в критических статьях стали угрожающе часто появляться упреки по адресу Охлопкова. Несколько лет назад он поставил «Грозу». В «Учительской газете» этот спектакль был подвергнут сокрушительному разбору. Авторы статьи требовали его запретить, так как он искажает в глазах учащихся пьесу Островского (как будто задача театра — замешать учебное пособие). Другие критики, выступившие в защиту пьесы, в полемическом вкратце переключились, с моей точки зрения, постановку. Мне кажется, что интересные режиссерские искания во всю соединялись в этом спектакле с выразительными актерскими образами. Сейчас после восторжений этот спектакль снова начинают ругать. И по тому же испытанному методу — это талантливо, но это не Островский!

Мне далеко не все нравится в работах Охлопкова — этому талантливому, надежному богатейшей фантазией, художнику часто, слишком часто, изменяет чувство меры. Но на его спектаклях всегда интересно, зритель всегда оживает нового и никогда не обманывается в своих ожида-

ниях. Даже самые восторженные поклонники охлопковской постановки «Гамлета» находят в спектакле много излишеств. Но когда вы идете на охлопковский спектакль, у входа в театр вас встречают желающие купить лишней билет, а перед спектаклем «Гамлета» у вахтанговец вам предлагают лишний билет.

А. Лобанов поставил в Театре сатиры спектакль «На всякого мудреца довольно простоты». На дискуссии в ВТО и на конференции, посвященной Островскому в Шельфово, этот спектакль атаковали литературоведы и театроведы. Литературоведы упрекали режиссера в нарушении авторских ремарок, театроведы — в пренебрежении традициями лучших спектаклей этой пьесы, в частности классических постановок Малого театра.

Лобанов много и плодотворно работает над Островским — он поставил несколько его пьес. И каждая из этих постановок была новаторской (в особенности примечательны «Галанти и поклонники» в Театре-студии Р. Н. Симонова и «Бешеные деньги» в Театре имени Ермоловой). Каждая в чем-то отступала от канонического прочтения Островского. И в своей последней постановке Лобанов прочитал пьесу по-своему. Однако в этой постановке живет истинный дух Островского. Получился веселый и злой спектакль, в котором серьезное обличение гармонически соединяется с веселой театральностью.

В каких только смертных грехах не упрекают режиссера суровые критики! Во всех — вплоть до эротики! Режиссер откровенно издевается над давно угасшими страстями бывшего ловеласа Крутицкого, над притворством Глухова, лениво обнимающего свою любовницу, а строгие критики неодобрительно смотрят на эти «эротические сцены», не замечая дружного смеха всего зала. Впрочем, потом на дискуссии, выговаривая режиссеру за фарсовые приемы, они называют этот смех нездоровым!

Вопрос о классике очень серьезный, ибо нигде так не чувствуются робость и осторожность режиссуры, как при воплощении классических пьес (тем более, что эта робость нередко подменяется критикой). И получается грустная картина — бессмертные пьесы очень скоро стают о сны. Несколько лет назад широко отмечалось 50-летие со дня смерти Чехова. Два московских театра поставили «Чайку», один — «Вишневый сад» и один театр «Пянов». Из всех этих спектаклей в репертуаре удержался только «Пянов» — худшая из чеховских пьес, но нашедшая свежее и оригинальное режиссерское решение. В ближайшие годы мы будем широко отмечать юбилей Гоголя, Чехова, Толстого. Надо подойти к их бессмертным творениям с творческой смелостью, взглянуть на них свежими вышившими очами, а не восстанавливать мизансцены и гримы по старым фотографиям.

Служение муз не терпит суеты, но оно не терпит и осторожности, робости, нерешительности. В смелых исканиях, в творческом риске будут завоеваны новые открытия и победы в нашем искусстве.